

Наталья Антонова

Мелодия для САКСОФОНА

— Уютный детектив —

Уютный детектив

Наталия Антонова

Мелодия для саксофона

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Мелодия для саксофона / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2020 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-109170-5

В квартире дочери убита теща известного в городе саксофониста. Некто ударил женщину молотом. Полиция утверждает, что замок на входной двери не взломан. Получается, женщина сама открыла дверь убийце? Значит, она его знала и доверяла ему? Следователь Наполеонов подозревает двоих, в том числе бывшего парня внучки убитой — художника Дорина. Соседи слышали, как убитая и художник повздорили некоторое время назад. Внучка Инесса решает привлечь к расследованию детективное агентство «Мирослава». И результат шокирует не только Инессу, но и самих детективов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109170-5

© Антонова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталия Антонова

Мелодия для саксофона

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно...

Автор

Глава 1

Большие пушистые облака, снизу подсвеченные осенним солнцем, казались белыми кораблями, плывущими по морю-океану в ещё неведомую миру сказочную страну. И так хотелось взглянуть на неё хотя бы одним глазком. Да видно, не дано. Только и остаётся, что, оставаясь на грешной земле, мечтать о чудесном мире грёз и ничем не омрачённого благополучия...

Екатерина Терентьевна Самсонова пребывала в превосходном настроении.

Вчера вечером ей позвонила дочь и сообщила, что Аркадий, то есть зять Екатерины Терентьевны, уехал с гастролями на две недели в приморский город.

– Мама, – говорила Антонина, – поживи у нас, пожалуйста, эти две недели, присмотришь за Дениской, да и начнёшь привыкать к новому месту жительства.

– Хорошо, Тонечка, завтра приеду, – пообещала Самсонова.

Ей совсем нетрудно было присмотреть за внуком Денисом, учеником пятого класса.

Денис был мальчиком непроблемным, учился хорошо. За ним особо и присматривать-то не надо. Но дочка Тоня правильно считала, что бережёного бог бережёт. И лучше не оставлять мальчика одного.

Самой Тоне-то недосуг, сколько лет она сидела на одном месте и, несмотря на своё трудолюбие, всё никак не могла пробить так называемый «стеклянный потолок». Затирали её и не давали расти. А тут вдруг после сорока пяти её карьера пошла в гору. Назначили её сначала начальником отдела по менеджменту и рекламе, а потом и вторым заместителем управляющего компанией. Так что Тоня, можно сказать, и ночевала, и дневала на работе.

А муж Тони, отец Дениса, саксофонист в известном не только в родном городе джазовом квартете «Ностальгия» – то на концертах, то на репетициях, то на гастролях.

«Это хорошо, что Аркашу послали на гастроли в Волчеморск, там у него тётка живёт, остановится у неё, на гостинице и еде сэкономит», – подумала Екатерина Терентьевна.

Тётку зятя Капитолину Ивановну Тарасову Екатерина Терентьевна знала хорошо и несколько лет, отдыхая с внуком и дочкой в Волчеморске, останавливались они именно у Тарасовой.

Самсонова коротко сошлась с Тарасовой, называла её Капой, а та в свою очередь звала ту Катей. Они время от времени перезванивались и отправляли друг другу на праздники по старинке бумажные открытки.

«Самое главное, я с Инессой наговорюсь вдосталь», – думала Екатерина Терентьевна, приближаясь к дому дочери.

Инесса была старшей сестрой Дениса и любимицей бабушки. Девушка была старше брата на десять лет и скоро должна была выйти замуж за молодого биохимика Глеба Куприянова.

Бабушка одобряла выбор внучки. Глебу Куприянову было всего двадцать шесть лет, но он уже многого добился в жизни и теперь работал в серьёзной научно-исследовательской лаборатории.

Хвастаясь перед соседями и подругами будущим мужем внучки, Екатерина Терентьевна говорила с гордостью:

– Наш Глебушка – не вертопрах какой-нибудь, а серьёзный учёный.

На семейном совете было решено, что, поженившись, молодые поселятся в двухкомнатной квартире Екатерины Терентьевны, доставшейся ей от мужа, а сама она на время переедет к дочери. Тем более что квартира у зятя саксофониста и дочери была просторная, одна прихожая чего стоит, можно сказать, целый холл, плюс большая кухня, четыре комнаты и в каждой лоджия.

Инесса с Глебом могли бы пожить и в квартире Бессоновых. Но начинать жизнь молодым под одной крышей с родителями не слишком-то удобно. Поэтому и решили отдать им на первое время квартиру бабушки.

«А там, даст бог, – думала Самсонова, – Глеб заработает деньги на собственную квартиру».

Вообще-то Екатерина Терентьевна была не против остаться жить у дочери навсегда, а в её квартире, – рассуждала она, – мог бы потом поселиться женившийся Денис. Хотя до этого времени ещё немало воды утечёт.

Уже почти дойдя до дома, Екатерина Терентьевна хлопнула себя правой рукой по боку и решила забежать по пути в фермерский магазин, чтобы купить фарш.

«Вот, – удовлетворённо подумала Самсонова, – теперь можно на вечер нажарить котлеты и порадовать домашних».

Подумав минутку, она не удержалась от соблазна и прикупила коробку пирожных, которые так любил Денис. И ещё две пачки молока. Молоко любили все три женщины, и сама Екатерина Терентьевна, и её дочка Тоня, и внучка Инесса.

Самсонова не раз слышала от зятя о рассуждениях учёных, что молоко плохо усваивается организмом взрослого человека, но привычно отмахивалась: «Врут, поди, твои учёные, Аркаша».

– Они не мои, – отвечал зять и, ухмыляясь, ставил варить себе крепкий чёрный кофе.

Варку кофе Бессонов не доверял никому, сам он его делал в турке, соблюдая все правила, и пил без сахара и без сливок чёрным.

– И как ты, Аркаша, пьёшь эту гадость? – вздыхала, бывало, Екатерина Терентьевна. – Ведь горечь, поди, невероятная.

– Он во мне, мама, вдохновение поддерживает, – отвечал ей Аркадий и важно уплывал в свой кабинет.

Все домашние знали, что Бессонов пишет музыку. Или, вернее, пытается писать.

Время от времени из кабинета доносились звуки саксофона. Но Екатерина Терентьевна в музыке не разбиралась, тем более в джазовой, и поэтому не знала, написал ли ту или иную вещь её зять Аркаша или кто другой. Всё, о чём она просила зятя, так это играть потише. А он в ответ только ухмылялся.

Внучке и внуку музыка не мешала, они под неё даже умудрялись делать уроки. Дочь Тоня на жалобы матери на мужа только отмахивалась: «Я привыкла и ты, мама, привыкнешь».

Екатерина Терентьевна только головой качала. Но вот однажды подруга Роза надоумила её купить беруши. И жизнь сразу наладилась. Теперь чего бы ни вытворял Аркадий на своём саксофоне, она оставалась спокойна и счастлива.

Подойдя к дому, Екатерина Терентьевна увидела подростков, играющих в бадминтон на площадке перед домом.

«Ну, что ж, – подумала она одобрительно, – в такую погоду и впрямь лучше размяться на свежем воздухе, чем сидеть дома, уткнувшись в компьютер».

Внучка как-то сказала ей, что теперь все, не только молодые и даже пожилые, сидят в социальных сетях. И даже объяснила, что это такое.

Со слов Инессы Самсонова поняла, что это что-то вроде посиделок, но не как раньше в деревне на завалинке или в их время на кухне, а виртуально. То есть как бы не на самом деле. Ни с подругой тебе чаю попить, ни секретами поделиться. Всё напоказ!

Самсонова не одобряла такого общения и была рада, что ни внук, ни внучка не злоупотребляют этими коварными сетями и охотно общаются воочию с подругами и приятелями.

Екатерина Терентьевна вставила ключ в замочную скважину и дважды повернула его.

* * *

Инесса после университета сразу побежала домой: мать ещё вчера вечером сказала ей, что сегодня к ним приезжает бабушка, и девушке хотелось как можно скорее обсудить с ней фасон платья, который она наденет на второй день после свадьбы.

Ведь её бабушка всю жизнь проработала в элитном ателье. Начинала она закройщицей и дослужилась до заведующей, которой и проработала ровно двадцать один год.

Ради разговора с бабушкой Инесса отказалась от похода с подружками в кафе сразу после занятий и отменила свидание с Глебом, назначенное на вечер.

– Глебушка, – щебетала она в трубку, – ты только не сердись! Но мне очень! Очень нужно обсудить с бабушкой ряд вопросов, касающихся нашей свадьбы.

– Вернее, твоих нарядов, – улыбался в трубку Глеб.

Инесса не могла видеть, что жених улыбается, но прекрасно догадывалась об этом, улавливая нотки иронии в его словах.

– Да, хоть бы и нарядов, – защищалась она, – разве наряды – это не часть свадьбы?

– Конечно, часть, – соглашался Глеб всё с той же улыбкой.

– Между прочим, свадьба бывает только раз в жизни! – выпалила Инесса и запнулась.

– В идеале, да, – прожурчал голос Глеба.

– А ты что, разводиться со мной собираешься? – насторожилась девушка.

– Инесса! Милая! Мы же с тобой пока даже не поженились! – воскликнул он.

– Ну, это я так, на всякий случай, – поспешила оправдаться она.

– Я так и понял, – улыбнулся Глеб.

– Значит, ты не сердишься?

– Нисколько.

– Я тебя люблю!

– Я тоже люблю тебя, моя принцесса.

– Так я побежала?

– Беги!

– Целую!

– Взаимно.

– Скажи, что ты целуешь меня сто тысяч раз!

– Инесса! Я надеюсь, за всю нашу жизнь, которую мы проведём с тобой вместе, поцеловать тебя не один миллион раз.

– Обещаешь?

– Зуб даю! – пошутил он.

Инесса счастливо рассмеялась и отключилась.

– Какой же она ещё всё-таки ребёнок, – с умилением подумал влюблённый парень.

Девушка между тем запрыгнула на подножку автобуса и быстро прошла сначала в середину, а потом к передней двери.

Ехать ей было всего две остановки. Обычно она проходила их пешком, но сегодня ей так хотелось поскорее увидеть бабушку.

Ага, вот и её остановка.

Инесса лёгкой птичкой выпорхнула из дверей остановившегося автобуса и понеслась домой.

Несмотря на спешку, девушка успевала радоваться прекрасной погоде.

«Не зря говорят, что октябрь – большой притворщик! Ему ничего не стоит притвориться серединой весны и обмануть готовых обманываться прохожих. Вон и травка нежно-зелёная

точь-в-точь, как в апреле, и цветочки на газонах, и птички с ветки на ветку перепархивают. Это, конечно, не соловьи и малиновки, а синички и воробьи, но всё равно, как хорошо!»

Девушка замедлила шаг, открыла сумку и, вытащив из неё пакетик семечек, надорвала его и рассыпала угощение возле бровки. Птицы тотчас спорхнули с веток и стали клевать семечки.

«Интересно, – подумала Инесса, – почему в последнее время почти не видно голубей?»

Нельзя сказать, чтобы она любила этих разжиревших от еды из контейнеров и неуклюже переваливающихся при ходьбе с боку на бок представителей птичьего племени, но они были столь привычным элементом городского пейзажа, что их, как ни странно, не хватало.

Последний раз Инесса видела голубей в парке, куда они ходили с Глебом две недели назад. Но в парке голуби совсем другие. Они, конечно, тоже не прочь выпросить еду у посетителей и даже рискуют утащить семечки из-под носа зазевавшейся белки. Но всё-таки они поджарые и подвижные. Не то что разленившиеся дворовые.

«Интересно, куда они всё-таки подевались, – думала девушка, ставя ногу на первую ступень в подъезде, – надо спросить Глеба. Он всё знает!»

Инесса открыла дверь своим ключом, щёлкнула выключателем и хотела крикнуть радостно: «Бабушка, а вот и я!» Но замерла, онемев от ужаса возле порога.

Её бабушка лежала на полу в прихожей, возле неё растеклась тёмная лужа крови.

Шкаф для одежды был открыт, и одна рука бабушки словно тянулась к нему, чтобы закрыть дверцу. Был виден висевший внутри её плащ цвета кофе с молоком.

В этот самый момент в голове у девушки пронеслась мысль, что бабушка всегда пила кофе только с сахаром и молоком или со сливками.

Через мгновение Инесса пронзительно закричала.

Её оглушительный прерывистый крик привлёк внимание соседей не только на их этаже, но и ниже.

Глава 2

Первым прибежал сосед снизу Егор Степанович Никаноров.

Несмотря на то, что он был немолод, всё-таки восьмой десяток пошёл, пенсионер не растерялся, не впал в панику, а сразу вызвал полицию и «Скорую». Потом появилась запыхавшаяся соседка из квартиры напротив Валентина Макаровна Устюгова.

– Ты, Валентина, на улитке, что ли, ехала? – укорил её Никаноров.

Оправдываясь за задержку, Устюгова сказала, что убиралась на лоджии и не сразу услышала крик, а только когда вносила в квартиру банки.

– Ладно, не затаптывай тут следы, – скомандовал ей Егор Степанович, – видишь, девочке совсем плохо, накапай валерьянки или ещё чего, небось сама знаешь?!

– Знаю, знаю, – засуетилась Устюгова и кинулась на кухню.

– А я вниз спущусь, – крикнул ей вдогонку Никаноров, – встречу «Скорую» и полицию, чтобы зазря нигде не плутали.

– Иди, иди, – отозвалась Валентина Макаровна, открывая дверку навесного шкафчика и шаря глазами в поисках валерьянки и валокордина.

– Ты тут одна не забоишься? – спросил пенсионер.

– Топай уже, старый, – ответила та, – не одна я, а с Инессушкой. – Она, наконец, нашла то, что искала, и щедро накапала в стакан, плеснула немного воды из графина. Принесла в прихожую, встала на колени и приложила стакан к губам неподвижно сидевшей на полу, привалившись к стене спиной, Инессе. – Выпей Инессушка.

Девушка сначала качнула головой, глядя на соседку бессмысленным взглядом, а потом повиновалась.

Прошло ещё мгновение, и девушка с криком: «Бабушка! Бабулечка моя родненькая!» – вскочила на ноги и кинулась в сторону лежавшей на полу бабушки.

Соседка ухватила её что есть силы и зашептала:

– Нельзя туда, девочка наша, нельзя, Инессушка!

И Инесса повиновалась, снова сползла на пол и уронила голову на приподнятые колени.

Вернулся Никаноров, ведя за собой врача и полицию.

К сожалению, врач «Скорой» был бессилен помочь бабушке Инессы, всё, что ему оставалось, это констатировать смерть.

По просьбе Егора Степановича он сделал укол внучке. И, обменявшись несколькими фразами с судмедэкспертом и следователем, покинул квартиру.

– Господи, да что же это делается, среди бела дня, – запричитала было Валентина Макаровна.

Но Никаноров прикрикнул на неё:

– Цыц, старая!

И женщина сразу замолчала.

Вскоре к ним подошёл мужчина маленького роста и, представившись следователем Александром Романовичем Наполеоновым, попросил подождать.

Старики одновременно кивнули и присели на диванчик прямо в прихожей.

Судмедэксперт, прибывший с оперативной группой, считал, что смерть наступила в промежутке между десятую и одиннадцатую тридцати.

Орудие убийства – молоток – лежал здесь же и был отправлен на предмет обнаружения отпечатков пальцев. Следов борьбы между жертвой и убийцей не наблюдалось, так как все предметы в прихожей стояли на месте.

Первичный осмотр замка показывал, что его не открывали отмычкой. По всему выходило, что жертва сама открыла дверь своему убийце, то есть это был знакомый ей человек, которого она не опасалась, раз даже повернулась к нему спиной, ведь удар пришёлся по затылку.

– Должно быть, она хотела закрыть шкафчик, – задумчиво пробасил Незовибатько.

– Ты, Афанасий Гаврилович, думаешь, что звонок в дверь раздался как раз в тот момент, когда она повесила на вешалку плащ?

– Предполагаю, – отозвался эксперт-криминалист, – но думать у нас должен ты, потому как следователь не я, а ты.

– Опять завёл свою шарманку, – отмахнулся Наполеонов, – лучше пальчики ищи, не пропусти ничего.

– Об этом не волнуйся, – усмехнулся Незовибатько, отлично знавший свою работу.

– Жертва, видимо, только вошла в квартиру, так как не успела снять сапоги, – пробормотал Наполеонов, – плащ был повешен в шкаф, но дверца шкафа осталась открытой. Сумки с продуктами стоят здесь же, в прихожей.

В это время его оттеснил Валерьян Легкоступов и стал усердно снимать всё, что попадало в объектив.

Наполеонов заметил, что фотограф нацелился на сумку с продуктами и погрозил ему пальцем:

– Давай без своих художеств!..

– Но это тоже вещественное доказательство, – оправдался Легкоступов и продолжил фотографирование так, как считал нужным.

Следователь тяжело вздохнул, заранее предвидя то, что фотографии, которые лягут на его стол, будут изумительными! Вот только убийство и эстетическое любование, по его твёрдому мнению, никак не могли совмещаться.

Хотя Наполеонов не мог не признать, что порой какая-нибудь никчёмная деталь, на которую никто и никогда не обратил бы внимания, кроме Легкоступова, неожиданно приносила то новую версию, то пропущенную улику.

Особенно тщательно фотографии, сделанные Легкоступовым, рассматривала подруга детства следователя частный детектив Мирослава Волгина, когда он обращался к ней за помощью. Иногда она даже расспрашивала Валерьяна, что заставило его обратить внимание на ту или иную мелочь.

Легкоступов пожимал плечами или говорил, что всё дело в художественном чутье.

Мирослава согласно кивала, а Наполеонов сердито фыркал:

– Спелись, голубчики, у одного – художественное чутьё, у другой – интуиция.

Но бывали и такие случаи, когда Легкоступов на вопрос Мирославы давал вполне разумный ответ, понятный даже следователю, доверявшему в основном фактам, уликам и логике.

Помощник Мирославы Морис Миндаугас, как правило, в их споры не вмешивался. Но Наполеонов был уверен, что Мирослава и Дон уже успели оказать на него необратимое влияние.

Как ни странно, но кота Наполеонов тоже обвинял в способности влиять на восприятие действительности людьми.

Мирослава долго хохотала, когда он однажды в пылу спора сказал ей об этом. Но потом с самым серьёзным видом согласилась:

– Да, наш Дон, он такой!

– Тьфу ты! – сказал тогда Наполеонов и отправился на кухню заедать досаду сладким пирогом с вишнями.

Пришедшая в себя Инесса позвонила матери на работу, и Антонина Георгиевна Бессонова, бросив всё, сломя голову кинулась домой.

Она ворвалась как ураган, но тотчас застыла на месте как соляной столб. Выронила из рук сумку и пробормотала:

– Ну, как же это могло случиться?!

Ответа на этот вопрос никто не знал.

Наполеонов временно оставил наедине мать с дочерью. Приехавшие санитары увезли труп.

Добиться большего, чем он сказал в самом начале, от судмедэксперта Руслана Каримовича Шахназарова Наполеонову не удалось. Зато Незовибатько сказал, что следователь может расспрашивать свидетелей и писать свой протокол на кухне.

Криминалист высказал предварительную версию, что погибшая Екатерина Терентьевна Самсонова никуда сегодня, в квартире, кроме прихожей, зайти не успела.

Первыми были опрошены прибежавшие на крик девушки соседи. Но они в один голос твердили, что не знают ничего такого, что могли бы сообщить полиции.

– Вот вы, Валентина Макаровна, сказали, что убирались на лоджии?

– Убиралась, – подтвердила Устюгова.

– И вы не заметили, когда Екатерина Терентьевна Самсонова вошла в подъезд?

– Не заметила, – покаянно вздохнула женщина.

– Может быть, вы видели кого-то другого? – спросил следователь.

– Ивантееву видала.

– Кто это?

– Соседка с первого этажа, она пёрла две сумки, и я, не выдержав, крикнула ей в окно, чтобы узнать чего это она несёт.

– А она?

– Не поверите, но соль, – пробормотала растерянно Устюгова.

– И зачем же ей столько соли? Вроде эпоха дефицита ушла в прошлое?!

– Она ответила, что зять её уехал с ночёвкой на рыбалку и обещал привезти много рыбы.

Вот они со снохой и приготовились солить икру.

– Зять Ивантеевой на трайлере в море выходит?

– Нет, на Волге с моторной лодки ловит, – растерянно ответила Валентина Макаровна.

– Понятно, – ответил следователь, решив, что Ивантееву он расспросит потом сам. – А кроме Ивантеевой вы видели кого-нибудь?

– Бобылёв зашёл в подъезд со своим кобелём.

– Кто такой Бобылёв?

– Так Ванька-дальнобойщик со второго этажа.

– Значит, запишем, Иван Бобылёв выгуливал собаку.

– Скорее всего, это Емелька Ваньку выгуливал.

– Так, а кто у нас Емелька?

– Так кобеля так зовут ихнего! – удивилась непонятливости следователя Устюгова.

– Что вы меня постоянно путаете, Валентина Макаровна! – рассердился Наполеонов.

– Я вас?! Да ни боже мой! – возмутилась Устюгова, – вы спрашиваете, а я вам отвечаю.

– Так разрешьте вас спросить, как это собака может выгуливать хозяина?

– Вот сразу видно, что вы не только молоды, – покачала головой сочувственно Устюгова, – но и абсолютно не знаете жизни!

– Я не знаю жизни? – задохнулся Наполеонов.

– Ну, конечно! Иначе бы вы знали, что хозяину, например, идти на улицу лень! Ванька хочет на диване полежать, телевизор посмотреть. Он же с рейса! Устал! За баранкой-то насиделся, ему бы отдохнуть! Но не тут-то было! Емелька приносит ему свой ошейник, сидит и смотрит на него, глаз не сводит. А если Ванька не реагирует, он начинает выть! И тут уж соседи стучат Ваньке сверху, снизу и со всех сторон. А иные грозятся, высунув голову в форточку, что

сейчас придут и настучат Бобылёву по голове. Вот он и идёт на поводу у Емельки. И скажите мне на милость, кто же из них кого выгуливает.

– Всё равно хозяин пса, – остался при своём мнении следователь и спросил: – А когда Иван в рейсе, кто выгуливает пса?

– Так Федька и выгуливает.

– А Федька кто?

– Сын Бобылёва.

– Почему же он не выгуливает собаку, когда отец возвращается с рейса?

– Потому что, когда Иван дома, Федьку домой до вечера никакими коврижками не заманишь.

– Это ещё почему? Отец обижает сына?

– Ага, – сказала Устюгова, – кто Федьку обидит, тот три дня не проживёт. А Ивану-то, поди, ещё пожить хочется, – закончила своё повествование женщина.

Наполеонову показалось, что в голове у него зазвучали трещотки и ещё какие-то шумные народные инструменты. Поэтому он потряс головой и спросил:

– А как жили Бессоновы?

– Нормально жили.

– Они не ссорились?

– Да когда им ссориться-то? – всплеснула руками Валентина Макаровна, – их же дома никогда нет! Тонька на работе, приползает затемно, Аркадий то на гастролях, то на репетиции. Дома только Инесса и Денис. Но не слыхала я, чтобы брат с сестрой ссорились.

– А Екатерина Терентьевна часто приезжала к дочери?

– Часто. Особенно, как Тоня начальницей стала. Оно и понятно, кто же поможет дитю, если не родная мать, – Валентина Макаровна утёрла платком кончик глаза.

– Но ведь Инесса уже вполне взрослая девушка и могла бы помочь матери по хозяйству.

– Она и помогала. Но теперь-то Инесса невеста и, сами понимаете, молодым погулять хочется.

– Инесса Бессонова собралась замуж?

– Собралась.

– И за кого же?

– За парня, ясное дело. Зовут его Глебом. Воспитанный молодой человек. Фамилию не знаю.

– А где он работает?

– Наверное, в какой-нибудь академии, – ответила соседка.

– Почему вы так думаете? – удивился Наполеонов.

– Так Екатерина Терентьевна сама рассказывала, что он учёный! А раз он учёный, то где же ему ещё работать, как не в академии.

Следователь спорить не стал и задал последний вопрос:

– Родители, наверное, копили деньги на свадьбу?

– Не без этого, – кивнула Валентина Макаровна.

– И все об этом знали?

– Про всех не знаю, но лично мне Екатерина Терентьевна рассказывала.

– Надеюсь, однако ж, что вы не грабили квартиру, предварительно стукнув по голове соседку.

– Господь с вами! – вскричала женщина и вскочила с места.

– Распишитесь, пожалуйста, на каждом листе, – следователь придвинул протокол к краю стола.

Устюгова расписалась, не читая, и кинулась к двери.

– Пригласите, пожалуйста, Егора Степановича Никанорова, – крикнул ей вслед Наполеонов.

Никаноров не заставил себя ждать.

Пройдя на кухню, он прикрыл за собой дверь и, не дожидаясь приглашения, сел напротив следователя.

Наполеонов записал данные свидетеля и, не выдержав, спросил:

– Вы знаете Людмилу Гавриловну Ивантееву?

– Люду? – удивился Егор Степанович, – ну, ещё бы мне её не знать, столько лет живём в одном подъезде.

– У неё есть зять?

– Есть, – согласился пенсионер.

– Он не только заядлый, но и настолько удачливый рыболов, что теще его приходится сумками покупать соль для засолки то ли икры, то ли всей рыбы.

Никаноров весело рассмеялся.

– Я сказал что-то смешное? – насторожился следователь.

– Тут, видите ли, какое дело, – отсмеявшись, принялся объяснять Егор Степанович, – Юрий, зять Люды, человек компанейский, дома ему усидеть тяжело. А жена его Нина – домохозяйка и, естественно, старается Юрика удержать дома. Вот они с друзьями и придумали рыбалку с ночёвкой. Закатятся к кому-нибудь на дачу и отрываються, а ближе к обеду или к вечеру в воскресенье возвращаются домой с рюкзаком рыбы.

– А где же они берут рыбу, если не рыбачат? – удивился следователь.

– Покупают у местных рыбаков.

– И часто у Юрика такие рыболовецкие загулы случаются? – поинтересовался Наполеонов.

– Да, частенько, – улыбнулся Егор Степанович.

– Куда же его теща столько рыбы деваает?

– На рынке продаёт.

– То есть зять покупает, а теща продаёт?

– Так Люда об этом не знает.

– И никто до сих пор не стукнул теще на зятя?

– Как, видите, нет. Может быть, дело в том, что Люду соседи недолюбливают, а Нину жалеют.

– Отчего же так?

– Люду не любят за то, что она громогласная и везде свой нос суёт. Ещё и поучает всех. А Нину жалеют за то, что она как застуканный апостол.

– Вот оно что, – сказал следователь и спросил: – Егор Степанович, а вы куда-нибудь сегодня выходили?

– Как нарочно, нет, – развёл он руками.

– Жаль...

– Меня жена заставила разбирать кладовую и дверцу на антресоли чинить.

– То есть вы сегодня не видели, входил ли кто-то посторонний в ваш подъезд?

– Не видел.

– Жаль, – повторил следователь и спросил: – что вы можете сказать о семье Бессоновых?

– Плохого я о них ничего не могу сказать, семья как семья. Оба работающие. И дети у них хорошие.

– Говорят, Инесса скоро замуж выходит?

– Сорока на хвосте принесла? – усмехнулся Егор Степанович и кивнул в сторону двери.

– Вроде того, – не стал отрицать следователь, – и родители на свадьбу деньги откладывали?

– Не без того.

– Об этом был оповещён весь дом?

– Так уж вышло, – вздохнул Никаноров, – видимо, Екатерина Терентьевна поделилась с кем-то из соседок. И, как вы сами догадываетесь, знает один, знают все.

Следователь кивнул и спросил:

– А что вы можете сказать о самой убитой Самсоновой?

– Женщина она была неплохая, – задумчиво проговорил Никаноров, – во всяком случае, старалась во всём помогать дочери, внучку же просто обожала!

– А внука?

– Дениску тоже любила, баловала время от времени. Но и строгость с ним соблюдала.

– Денис ссорился с бабушкой?

– Ни разу такого не слышал.

– Может, Самсонова с кем-то из соседей ссорилась?

– Такого тоже не припомню. Екатерина Терентьевна была женщиной неконфликтной. Если и зудела на кого, то только на Аркадия, да и то за глаза.

– А чем ей зять не угодил?

– Музыку она его не любила. Но с тех пор как ей посоветовали беруши, и на Аркадия жаловаться перестала.

– А где молодые собирались жить после свадьбы? – почему-то спросил Наполеонов.

– Этого я не знаю, – пожал плечами сосед.

Пришлось отпустить и его.

Опросить дочь и внучку Самсоновой в этот день не получилось. Обе женщины были в таком состоянии, что сразу начинали плакать, и выудить хоть одну связную фразу из них не представлялось возможным.

Обе они утверждали, что в доме ничего не тронуту. Однако позднее выяснилось, пропали деньги, отложенные родителями на свадьбу Инессы.

Поквартирный опрос дал неутешительный результат, практически все соседи знали о том, что Бессоновы копят деньги на свадьбу дочери и держат их дома.

– Вот что у людей с головой? Опилки у них там, что ли, как у Винни Пуха? – сердился Наполеонов.

Слесаря Илью Александровича Капитонова в этот день в подъезде видели ещё пенсионер с первого этажа и молодая женщина с ребёнком.

Пенсионер даже выразил неудовольствие: мол, поздоровался с Капитоновым, как обычно, а тот сделал вид, что видит его впервые.

– Обидно! – констатировал пенсионер, – и куда мы катимся? Даже последние крупички элементарной вежливости утрачиваем.

Наполеонов внимательно выслушал старичка и сочувственно покивал.

Женщина же с ребёнком сказала, что Капитонов, увидев её, смутился.

– Смутился? – удивлённо переспросил Наполеонов.

– Да, или застеснялся, – задумчиво проговорила она, – он прижался к стенке, и у меня было такое ощущение, что он хочет слиться с ней. И по стеночке, по стеночке поднялся наверх.

– А он поздоровался с вами?

– Я в этом не уверена...

– То есть?

– Я точно с ним поздоровалась, – ответила молодая мама, – а он что-то пролепетал невразумительное. Честно говоря, я тогда и не очень вслушивалась, так как у меня закапризничал ребёнок, и я всё внимание сосредоточила на нём.

– Но вы точно помните, что Капитонов поднимался по лестнице, а не спускался? – уточнил следователь.

– Конечно, точно помню! – несколько раздражённо ответила молодая женщина, – до склероза мне ещё далеко, а с девичьей памятью я распрощалась после рождения сына.

Желая разрядить обстановку, Наполеонов проговорил с улыбкой:

– А я-то думал, что девичья память отлетает с первыми звуками Мендельсона.

Женщина рассмеялась и покачала головой:

– А вот и нет. Хотя у кого как. Например, у моей прабабушки до сих пор девичья память.

– И кто это сказал?

– Она сама и говорит, когда мы восклицаем, сетуя на её забывчивость: «Бабушка, у тебя склероз!» А она, кокетливо подбоченясь, отвечает: «Фигушки вам! У меня девичья память».

– А вы?

– А что мы, перестаём сердиться и хохочем.

– Так у вас не бабуля, а клад.

– Это точно, – охотно согласилась свидетельница.

Наполеонов позвонил в управляющую компанию дома, где проживали Бессоновы, и там ответили, что никаких дел у слесаря Капитонова, как, впрочем, и у любого другого слесаря, в этот день не только в этом подъезде, но и во всём доме не было. И добавили для весомости сказанного:

– У нас все заявки фиксируются в специальном журнале.

– Понятно, – проговорил Наполеонов и занёс Капитонова в список подозреваемых.

Самсонова не могла не знать Капитонова и могла открыть ему дверь без опасений.

Перед этим он на всякий случай выяснил, были ли в районе проживания серийные кражи, как давно и не было ли убийств.

Статистика сухо проинформировала, что до сей поры бог миловал этот район, ни краж, ни убийств не было.

Из разговора с участковым Наполеонов узнал, что были мелкие пропажи: от подъезда дома номер восемь по этой же улице, где стоит дом Бессоновых, пропало старое цинковое ведро.

Пенсионерка, которая при его помощи поливала клумбы, отлучилась на минутку за колышком для куста. Вернулась она с палкой, а ведра-то и нет. Пенсионерка подняла крик, взбудоражила соседей, но ведро словно кверху поднялось.

Или ещё был случай, пропал кот у жильцов с пятого этажа. Сначала подумали, что животное упало с перил незастеклённого балкона и разбилось. Но внизу труп кота не оказалось.

Пожилой участковый, проработавший на своём месте уже двадцать пять лет и не торопившийся на пенсию, имел доброе сердце легендарного дяди Стёпы. Поэтому, жалея плачущего не первый день малыша, он прошёлся по квартирам этого подъезда.

Никто ничего о коте сообщить ему не смог. Но соседка с третьего этажа утверждала, что видела той ночью дьявола.

– С чего это вы взяли? – изумился участковый и подумал про себя, что старушка, должно быть, рехнулась. Но она принялась ему рассказывать, что в эту безлунную ночь она долго молилась, потом загасила свечу и пошла проверить, плотно ли закрыто окно. Отодвинула штору и к своему ужасу увидела два светящихся глаза, устремлённых прямо на неё.

– И что вы сделали? – спросил участковый.

– Я перекрестила окно, прочитала «Отче наш» и прошла за бутылкой со святой водой.

– Надо думать, что, когда вы вернулись, уже никого не было?

– Да, видно, он догадался, за чем я пошла.

– Спасибо вам большое, – искренне поблагодарил участковый, – вы очень мне помогли.

– На здоровье, – с достоинством ответила старушка и, проводив участкового до двери, перекрестила его спину так, что он этого и не заметил.

Участковый между тем поднялся в квартиру, из которой пропал кот, и спросил, кастрированный ли он.

– Нет, – ответила, краснея, мать мальчика, плачущего о коте.

– Если он вернётся, то непременно кастрируйте его, – посоветовал он, – тогда бедолага и пропадать не будет.

И как в воду глядел, через неделю кот сам вернулся домой. Выглядел он похудевшим, шерсть на нём местами свисала клочьями, но вид кот имел весьма довольный.

– Рад за него, – буркнул Наполеонов.

– За кого? – изобразил непонимание на лице участковый.

– За кота этого!

– Вот только я совсем не уверен, что кот готов разделить вашу точку зрения, – рассмеялся участковый.

– Ну да, ну да, – сказал Наполеонов и распрощался.

Глава 3

Допрос Капитонова, как и следовало ожидать, ничего не дал.

Слесарь ссылался на плохую память, беготню и большое количество ремонтных работ.

Напрасно следователь увещевал его:

– Илья Александрович, подумайте получше, от вашего ответа, можно сказать без преувеличения, зависит ваша судьба.

Но упрямый слесарь стоял на своём:

– Ничего не помню!

– Так заходили вы или нет в подъезд, где проживают Бессоновы?!

– Может быть, и заходил, – бормотал слесарь.

– За какой такой надобностью?!

– Обмишулился, наверное.

– Почему же вы тогда испугались, когда вас увидели жильцы этого подъезда?

– Никого я не пугался! Просто вспомнил, что ошибся, и мне сюда не надо!

– И поэтому вместо того, чтобы спуститься вниз и выйти из подъезда, вы поднялись наверх?! – напирал следователь.

– Ничего такого я не помню!

– Зато свидетели помнят!

– Значит, я вспомнил, что ошибся, когда уже поднялся выше.

– А может быть, вы поднялись выше для того, чтобы войти в квартиру Бессоновых, убить Самсонову и забрать деньги? – вкрадчиво спросил следователь.

– Никого я не убивал! – Капитонов вскочил со стула.

– Сядьте! – рывкнул на него Наполеонов, и Илья Александрович послушно опустился на стул. – Я ни в чём таком не виноват, – пробормотал он.

– А в чём вы виноваты?

– Ни в чём.

– Может быть, вы и не имели намерения убивать Самсонову, а хотели её просто оглушить. Но не рассчитали силу удара, и женщина умерла.

– Я никого не убивал, клянусь вам!

– Ещё скажите, клянусь мамой!

– Я так никогда не скажу, – тихо, но твёрдо проговорил Капитонов.

– Это ещё почему? – заинтересовался следователь.

– Потому что я очень люблю свою маму, – почти прошептал Капитонов.

Наполеонов посмотрел на него подозрительно, но потом решил допустить, что Илья Александрович не лжёт. Ведь и сам следователь очень любил свою мать.

Так ничего и не добившись от Капитонова, следователь решил пока не задерживать мужчину и ограничиться взятием с него подписки о невыезде за черту города.

После разговора с Ильёй Александровичем Наполеонов поехал на похороны Самсоновой, которые потрясли его. Даже, вернее, потрясли не сами строгие и скромные похороны, а музыка, которая провожала Екатерину Терентьевну в последний путь.

Бессонова позвонила мужу вечером того же дня, когда была убита её мать, на следующий день прилетел не только зять Самсоновой, но и весь квартет, отказавшись от продолжения гастролей.

И на похоронах траурная музыка звучала в исполнении саксофона, контрабаса и ударных.

Было понятно, что четвёртый участник квартета не мог принять участие по той простой причине, что он был пианистом, а фортепиано на кладбище не доставить...

Но особенно у всех присутствующих пробежали мурашки по телу, когда звучало соло саксофониста. У некоторых даже текли слёзы.

Был ли толк от присутствия следователя на похоронах, Наполеонов сомневался.

Вернувшись в свой кабинет, он долго вспоминал играющего на саксофоне Аркадия Бессонова. Было видно, что сам он весь в звуках музыки. Удивил Наполеонова и внешний вид Аркадия, он выглядел буквально убитым горем и еле держался на ногах.

– Неужели так переживает? – недоумевал Наполеонов.

Позднее ему сказали, что за три дня до трагедии у Бессонова на гастролях случился гипертонический криз, и он всё это время отлёживался в гостиничном номере. А тут такая беда! Пришлось вставать и лететь домой.

– Не повезло бедняге, – посочувствовал Наполеонов и решил пока не задавать Бессонову никаких вопросов.

А вот откладывать надолго разговор с его женой Антониной Георгиевной следователь не стал.

Поэтому уже через два дня после похорон матери Бессонова сидела в кабинете следователя.

Наполеонов принёс ей свои соболезнования и проговорил:

– Антонина Георгиевна, мне совестно вас беспокоить, но у меня нет иного выхода. Ведь и вы, и я хотим, чтобы убийца вашей матери был найден и понёс наказание.

– Не оправдывайтесь, – сказала Антонина Георгиевна, – я всё понимаю, спрашивайте.

– Как чувствует себя ваш супруг?

– Плохо, – вздохнула женщина, – Аркадий опять свалился с высоким давлением, ночью два раза «Скорую» вызывали, – и пояснила: – Это у него наследственное, его мать тоже мучается с давлением.

– Она жива?

– Да, – кратко ответила Бессонова.

«Ни «к счастью», ни «к сожалению» добавлено не было, – подумал Наполеонов, – так что каждый понимай, как хочешь».

Но отношения снохи к свекрови и наоборот не касаются правоохранительных органов.

– Антонина Георгиевна, я разговаривал с Капитоновым, он у нас пока подозреваемый номер один.

– Слесарь, что ли? – удивилась Бессонова.

– Да, его видели в день убийства вашей матери в подъезде, но делать ему там было в этот день абсолютно нечего. Сам он запирается и отказывается давать какие-либо пояснения.

– Я не очень-то верю в его виновность, – с сомнением проговорила Антонина Георгиевна.

– Почему?

– Потому, что Илья Александрович человек тихий.

– Ну, знаете, – протянул следователь, – говорят, что в тихом омуте черти водятся.

– Может, и водятся, не проверяла, но уж поверьте мне, Илья Александрович просто не мог бы ударить молотком мою мать!

– Почему вы так уверены?

– У него бы рука не поднялась!

– Именно на вашу мать?

– Нет, вообще на любого человека. Да что об этом говорить, – махнула рукой Бессонова, – не мог Илья Александрович этого сделать. Можете спросить любого, кто его знает.

– Мне нужны не мнения его знакомых, а факты, – твёрдо сказал следователь.

И Бессонова больше не стала спорить.

– А вы сами, Антонина Георгиевна, может, кого-то подозреваете?

– Да кого же мне подозревать? – растерянно спросила она.

- Может, кто-то угрожал вашей матери?
- Маме никто не угрожал, – без раздумий ответила Бессонова, – а вот Аркаше угрожали.
- Кто и за что? – быстро спросил следователь.
- Понимаете, – проговорила она, – мы копили деньги на свадьбу дочери и об этом многие знали.
- Как же так случилось?
- Да мама нечаянно проговорила, – виновато проговорила женщина, – ну, и сами знаете, у людей язык без костей, разнесли не то что по нашему подъезду, а по всему дому. И с большим преувеличением. Некоторые стали думать, что у нас чуть ли не миллионы накоплены. Думают, что если Аркадий музыкант, то денег зарабатывает немерено, – печально проговорила Бессонова.
- Но полтора миллиона, как вы сказали, у вас всё-таки было?
- Было, – тихо вздохнула женщина.
- Так и кто же угрожал вашему мужу?
- Понимаете, у нас на первом этаже живёт один пьянчужка, Михаил Тимофеевич Галушкин. И не так сказать, чтобы он пил беспробудно, нет, у него случаются просветления. Но во время запоя он сам себя не помнит.
- А при чём здесь ваш муж?
- Так я к этому и веду. Михаил Тимофеевич, будучи пьяным в стельку, разбил вдребезги свой автомобиль. А когда у него запой закончился, Галушкин от кого-то услышал о наших миллионах и решил попросить взаймы. Он был уверен, что саксофонист человек богатый и, как сосед, должен выручить его. Но Аркадий, естественно, ему отказал. Галушкин, почувствовав себя разочарованным и оскорблённым, наговорил Аркадию кучу гадостей. Но муж не придал этому никакого значения. А уже позже мне наша соседка рассказала, что Галушкин, опять же будучи пьяным, грозился во дворе, что сосед ещё попомнит его. Хотя мы и тогда не приняли его угрозы всерьёз.
- А машину новую Галушкин купил или нет?
- Нет, не купил. Его и прав-то лишили. Но деньги у него откуда-то появились...
- Откуда вы знаете?
- Вчера ему привезли из магазина новый дорогой телевизор и стиральную машину. Прежние он давно угробил.
- Галушкин говорил, откуда у него деньги на покупку техники?
- По-моему, его никто об этом и не спрашивал.
- Разберёмся. А есть ли те, кто грозил не вашему мужу, а конкретно вашей матери? Вы уже говорили, что нет, но всё-таки подумайте хорошенько.
- Бессонова задумалась, а потом сказала:
- Но это было давно...
- Что было давно?
- Мама не пустила на порог нашей квартиры бывшего парня Инессы. И он орал на весь подъезд, что она старая гримза, и он откроет ей голову.
- И это только за то, что бабушка отказала ему от дома? – не поверил следователь.
- Мама его и раньше не любила, ну, пока он с Инессой встречался, а уж когда стал бывшим, она не сдержалась и высказала своё мнение о нём в не очень вежливой форме.
- Обматерила, что ли? – попытался уточнить Наполеонов.
- Ну, что вы! – возмутилась Антонина Георгиевна, – просто обозвала «голытьбой».
- Парень был бедным?
- Да, не так, чтобы очень, – Бессонова пожала плечами, – просто учился на художника, потом окончил училище, но ни Дали, ни Пикассо пока не стал.
- Понятно, как имя и фамилия юного гения?

– Владимир Маркович Дорин. – Антонина Георгиевна помолчала и добавила: – Он был первой любовью Инессы. Они встречались со школы. Но сами знаете, что первая любовь чаще всего тает, как белое облачко при ясной погоде.

– Но у Дорина, получается, облачко переросло в грозовую тучу?

– Кто его знает, – пожала плечами Бессонова, – может, он тогда маме нагрубил в горячке, а потом и думать забыл об Инессе.

– Всё может быть, – согласился Наполеонов, а про себя подумал, что проверить всё равно не мешает.

– Вы не знаете, где он живёт?

– Раньше жил на улице Кутузова в доме сто одиннадцать. Номер квартиры не помню, но точно на третьем этаже, потому что Инесса часто ему выговаривала, что живёт он на третьем этаже и учится на тройки.

– Значит, учился Дорин плохо?

– В школе неважно, – подтвердила Бессонова, – но вроде бы в училище, со слов моей дочери, дела его пошли на поправку.

– Почему же они расстались?

– Наверное, потому, что Инесса встретила Глеба, и настоящее большое чувство вытеснило первую любовь.

– А перед тем как расстаться с Дориным, она не объяснила ему, что полюбила другого?

– Объяснила...

– И как он отреагировал?

– Она не стала слушать, сразу отключила связь.

– То есть, если я правильно вас понял, ваша дочь дала отставку бывшему парню по телефону?

– Совершенно верно.

Наполеонов не одобрил поступок девушки, но вслух комментировать его не стал. Вместо этого спросил:

– Стычка вашей матери с Дориным произошла полгода назад?

– Или даже больше, я не помню.

– И после этого он не приходил?

– Нет, не приходил.

– А Инессе он звонил?

– Не знаю, дочка ничего об этом мне не говорила. А я не спрашивала.

– Почему?

– Посчитала неудобным.

– Дорин знал о деньгах?

– Сомневаюсь. Скорее всего, нет. Он ведь не общался с нашими соседями.

– Поговорить с женихом Инессы он тоже не пытался?

– Думаю, что нет. Впрочем, я даже уверена в этом. Уж о стычке между Дориным и Глебом она бы мне обязательно рассказала.

– А деньги на свадьбу копили только вы? Или родители Глеба тоже?

– Они тоже, да и Глеб неплохо зарабатывает.

«Ага, копили обе стороны, – подумал Наполеонов, – но те, видимо, не рассказывали о деньгах всему свету».

Он вздохнул и отпустил Антонину Георгиевну восвояси.

«Самое паршивое в этой истории с пропавшими деньгами, – думал Наполеонов, – что соседи могли рассказать об этом своим родным и знакомым, которые вовсе и не живут ни в одном подъезде с Бессоновыми, ни даже в одном доме».

В кабинет постучали.

– Войдите.

Дверь приоткрылась, и вошёл старший лейтенант Аветик Григорян.

– Александр Романович, – сказал он, – у нас тут новые свидетели появились.

– Какие свидетели? Почему я о них до сих пор ничего не знаю?

Глаза Аветика, напоминающие цветом чернослив, загадочно сверкнули:

– Так никто не знал. А сегодня я пошёл поговорить с Иваном Бобылёвым.

– С Бобылёвым? – начал припоминать Наполеонов.

– Ну, у него ещё собаку зовут Емельяном!

– Ах, да! И что Бобылёв? Видел кого-то?

– Сам он никого не видел. Но сказал, что в тот день мальчишки на площадке, что напротив дома, играли в бадминтон. Я и подумал, что они могли что-то видеть.

– Ты их всех опросил?

– Вроде да...

– И что они сказали?

– Сказали, что были заняты игрой и не смотрели на двери подъезда, так что не знают, кто туда входил, кто выходил.

– Значит, пусто?

– Не совсем. Слесаря заметили трое, двое видели разносчика пиццы, один – почтальона, ещё двоим показалось, что входил туда мужчина, кто это, они не знают, и одна женщина.

– Тоже неизвестная?

– Типа того.

– Придётся пока отработать почтальона и разносчика пиццы. Ты узнал, к кому они приходили?

– Пиццу приносили в двенадцатую квартиру, а почтальон приходил ни к кому.

– Как это?

– Видимо, просто разбросал по ящикам почту или рекламу.

– Надо узнать в почтовом отделении, кто и зачем.

– Узнаем, – флегматично согласился Аветик.

Наполеонов понимал, что молодого оперативника не слишком вдохновляет посещение почтового отделения и пиццерии. Но выбирать в их работе не приходится.

Всю подноготную Михаила Тимофеевича Галушкина он поручил разузнать Ринату Ахметову, и тот пообещал заняться этим завтра с утра.

Сам же Наполеонов решил встретиться с Инессой Бессоновой и, не откладывая, позвонил ей по телефону. Но Инесса попросила его перенести встречу на завтра, так как сегодня мама задержится на работе, и ей нужно успеть приготовить еду для всей семьи и посидеть с больным отцом.

– Разве Аркадию Семёновичу не стало лучше?

– Увы, после похорон бабушки он опять свалился, – вздохнула девушка.

– Ну, что ж, до завтра.

– Приходите, пожалуйста, к университету, я спущусь после занятий, и мы поговорим.

Глава 4

Лимонный свет октябрьского рассвета лился сквозь ветви ещё не только не сбросивших листву, но и не пожелтевших пирамидальных китайских тополей. И если бы не эта бледная лимонность, перешедшая в серебро, можно было бы подумать, что в наших краях задержалось лето. Но, увы...

Оперуполномоченный Аветик Григорян очень любил лето, но и не особо расстраивался, если на улице было другое время года. Тем более что рутинной работы каждый день было так много, что времени на переживания практически не оставалось. А то, что оставалось, он в основном тратил на своё хобби – разгадывания кроссвордов.

Вот и сегодня сразу после завтрака, набросив ветровку, Аветик поспешил в почтовое отделение, благо оно открывалось рано.

Заведующая отделением внимательно выслушала его, посмотрела график и пригласила к себе полную пожилую женщину с круглым лицом и очками на носу.

– Людмила Ивановна, вот молодой человек из полиции интересуется...

– Наверное, товарищ из полиции хочет узнать, – перебила женщина своего начальника, – не видела ли я чего-нибудь подозрительного в доме, где убили Самсонову?

– Вы её знали? – быстро спросил Аветик.

– Да, Екатерина Терентьевна часто бывала у дочери, брала почту и заказные письма я ей под роспись оставляла.

– Так вы заметили что-нибудь подозрительное в то утро?

– К сожалению, нет. Но там перед домом на площадке играли мальчики, может, они что-то заметили?

– Они заметили вас, – вздохнул Аветик.

– Но вы ведь не думаете, что это я убила Екатерину Терентьевну?

– К сожалению, нет, – вырвалось у Аветика.

– Почему же, к сожалению? – удивилась почтальон.

– Это я так, к слову, – смутился оперативник, – спасибо вам, Людмила Ивановна.

– Не за что, – ответила женщина.

И тут Аветик заметил её сильно отекавшие ноги. Теперь он понял, почему женщина даже на низком каблуке передвигалась тяжёлой походкой.

Проследив за взглядом оперативника, заведующая после ухода почтальона пояснила:

– Варикоз у неё. А тут ещё больше чем полдня на ногах.

Аветик сочувственно кивнул и покинул помещение почты.

До пиццерии он проехал две остановки на автобусе и, зайдя в кабинет к администратору, попытался выяснить, кто в тот день разносил пиццу.

Сделать ему это, несмотря на предъявление удостоверения, удалось далеко не сразу.

Администратор отправил его в отдел приёма заказов.

Молодой человек встретил Аветика нерадостно, буркнув:

– Жаловаться пришли?

Григорян сунул ему под нос удостоверение и объяснил, что хочет поговорить с разносчиком, который работал, он назвал число и район.

– Ну, Лёнька Симонов работал. Он сегодня отдыхает.

– Дайте мне его адрес, – попросил оперативник.

– Это ещё с какого перепуга я буду раздавать адреса наших сотрудников налево и направо, – огрызнулся парень.

– Хорошо, – сказал Аветик, которому надоело препираться попусту, – вы задерживаетесь за оказание препятствий полиции при расследовании преступления.

– Каких ещё препятствий?! – возмутился парень, – да дам я вам адрес Симонова, только отстаньте от меня.

Он вытащил из кипы наваленных на столе бумаг чистый листок и что-то там нацарапал, после чего протянул его Григоряну:

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо, – сказал Аветик и, не прощаясь, покинул тесный кабинетик грубияна.

Приехав по нужному адресу, Григорян поднялся на четвёртый этаж старого дома и оказался перед обшарпанной дверью. Он уже догадался, что разносчик пиццы живёт на съёмной квартире.

Нажав на кнопку звонка, Аветик прислушался. Из квартиры не донеслось ни звука.

«Неужели никого нет дома?» – подумал Григорян и ещё раз нажал на звонок, на этот раз дольше не отрывая от него палец.

Наконец за дверью раздались шаги, и сонный голос спросил:

– Ну, кого там ещё принесло?

– Полиция! – Григорян приложил к глазку удостоверение, – мне нужен Леонид Симонов...

– Но я никого не вызывал, – нерешительно ответили ему из-за закрытой двери.

– Я сам пришёл! – сказал Аветик. – Откройте, пожалуйста.

Дверь открылась, на пороге стоял высокий тощий блондин в майке и трусах. Тапочек у него на ногах не было.

– Извините, что разбудил, – невольно улыбнулся Аветик.

– Ладно, чего уж там, – пробормотал блондин, – приходи, раз пришёл, я сейчас хоть штаны натяну.

Григорян быстро прикинул, что комната здесь одна и именно в ней Симонов будет надевать свои штаны, поэтому напрямик направился на кухню, выдвинул из-за стола, покрытого местами порванной клеенкой, табуретку, осмотрел её на предмет чистоты и сел.

Вскоре появился сам хозяин квартиры и спросил:

– Ну, и чего надобно нашей доблестной полиции от бедного гастарбайтера?

– Значит, ты приезжий? – спросил оперативник.

– А ты нет? – хмыкнул в ответ Симонов.

– Я местный, – гордо ответил Григорян.

– А я из деревни год назад приехал, – пожал плечами Леонид.

– Квартиру снимаешь?

– Нет, бабкина. Мы с ней как бы поменялись. Она уехала в деревню, там мои родичи за ней ухаживать будут. А я вот – сюда.

– Выходит, бабушка тебе не родная?

– Почему не родная? – удивился Симонов и пояснил: – Она по отцовской линии. А в деревне мать с отчимом и сёстрами. Родители развелись, когда я был совсем маленьким, мать вернулась в деревню и там вышла замуж, а отец на Север завербовался и там осел.

– Выходит, он не захотел взять к себе свою мать?

– Почему сразу не захотел, – возмутился Симонов, – я же говорю, он на Север уехал и там женился. А бабке оно надо катить на старости лет в Мурманск?

– Пожалуй, нежелательно, – подумав, ответил Григорян.

– Вот и я про то же. А в деревне она будет как у Христа за пазухой. Тем более что мать моя бывшую свекровь не бросала, продукты ей привозила и на лето брала отдыхать.

– Это хорошо, – одобрил Григорян, – но вот квартира у тебя запущенная. Ей ремонт требуется.

– Сам знаю, что требуется, но денег пока не накопил, а из родителей тащить не собираюсь. Они у меня всё-таки не нефтяные магнаты.

Григорян посмотрел на парня с уважением и решил, что пора переходить к делу. Он назвал число и номер дома:

- Ты носил туда пиццу?
 - Носил, – сразу признался Симонов и вдруг забеспокоился: – Что, жалоба поступила?
 - Я из Убойного, – пояснил Григорян.
 - Не понял, – сказал Леонид, а потом округлил глаза от ужаса: – Ты хочешь сказать, что отравились доставленной мною пиццей?
 - Да нет же! Ты что, газет не читаешь?
 - Каких газет?
 - Местных!
 - Я вообще-то никакие газеты не читаю, – вздохнул Леонид, – я больше люблю фильмы приключенческие смотреть.
 - Дожили, – пробурчал Григорян.
 - Что?
 - Ничего! В подъезде, куда ты приносил пиццу, в этот день убили женщину.
 - Я не убивал, – быстро сказал Симонов.
 - Я и не говорю, что ты убил!
 - И вообще, когда я уходил, она была жива-живёхонька! И не одна!
 - А с кем?
 - С женихом, наверное, или с парнем со своим, – пожал плечами Леонид.
 - Ты имеешь в виду женщину из той квартиры, в которую ты доставил пиццу?
 - Ну.
 - Убили женщину из другой квартиры.
 - Ну, слава тебе, господи! – вырвалось у Симонова. Но встретив осуждающий взгляд оперативника, сразу принялся оправдываться: – Я не в том смысле!
 - А в каком?
 - Испугался, что они пиццей отравились.
 - Понятно. Когда ты поднимался на этаж, встретил кого-нибудь?
 - По-моему, нет... Точно, нет.
 - А когда спускался вниз?
 - Меня обогнал какой-то парень, вернее, подросток, он бегом сбежал по лестнице вниз.
- А навстречу поднималась какая-то тётка.
- Какая тётка?
 - А я знаю? Может, живёт в этом подъезде.
 - Как она выглядела?
 - Она показалась мне отёчной... и шла тяжело.
 - Ноги отёкшие? – быстро спросил Григорян.
 - Ну, ты даёшь! – искренне восхитился Симонов, – я что, на ноги, что ли, ей смотрел?
 - А на что ты смотрел?
 - Если честно, ни на что, просто бросил взгляд и всё.
 - Что же у неё было отёкшее?
 - Лицо! Ясный перец!
 - Какого она была роста?
 - Высокая, но полная.
 - А волосы?
 - Вроде тёмные, может, каштановые.
 - А глаза?
 - Не рассмотрел, – покачал головой Симонов.
 - На какой этаж она шла?

– Не знаю, она мне в самом низу попалась.
– Значит, ты не слышал, звонила она в дверь или открывала своим ключом?
– Не слышал.
– А узнать ты её смог бы, если бы увидел снова?
– Не уверен. Я же её видел одно мгновение, да и света там было мало.
– Понятно. Ладно, спасибо, извини, что разбудил.
– Ты расстроился, что ли? – спросил Леонид в прихожей.
– Есть немного, – улыбнулся Григорян одними губами.
– Ты, брат, не отчаивайся, – Леонид хлопнул Григоряна по плечу, – если найдёшь эту тётку, позови меня, я на неё посмотрю и постараюсь сказать, она это или нет.
Аветик усмехнулся, не думая укорять разносчика пиццы за панибратство:
– Хороший ты человек, Симонов!
– Так ведь люди должны помогать друг другу. Не зря же умные люди говорят, что человек человеку – брат.
– Ты, Лёня, видно, из заповедника прибыл и даже год жизни в городе не сумел испортить тебя.
– Почему из заповедника? Я ж говорил тебе, из деревни.
– Хорошая, видать, у вас деревня.
– Конечно, хорошая, – и внезапно предложил: – А хочешь, я тебя летом с собой возьму? За грибами сходим, за малиной, порыбачим на зорьке. А, поедешь?
– Может, и поеду, – неожиданно для себя ответил Григорян.
– Ну, так если что, ты знаешь, где меня найти. Прощай, пока! – и он протянул оперативнику сильную мозолистую руку, и тот с удовольствием пожал её.
А потом подумал: «Ему бы не пиццу разносить, а дома строить или ещё что-нибудь солидное».

* * *

Заря на востоке трепетала розовым лоскутным одеялом. Ничто не предвещало неприятных неожиданностей.

За завтраком Ринат старался не думать о работе, полностью сосредоточившись на вкусной еде, приготовленной женой, и коротким общением со своими девочками.

– Папа, а кто такой Гегель? – спросила совершенно неожиданно Гуля, дочка Рината Ахметова.

Ринат поперхнулся чаем и чуть было совсем не выпустил из рук чашку.

– Это такой дядя, – выдал он, бросив умоляющий взгляд в сторону жены.

Но Гузель только улыбнулась.

– Я понимаю, что дядя, а не тётя, – тёмные глаза дочери внимательно смотрели на отца.

– Гегель – это немецкий философ, – пришёл к Ринату спасительный ответ. И он быстро спросил: – А почему ты им интересуешься?

– Я видела у мамы на столе книжку о нём.

– Вот у мамы и спрашивай. – Ринат сердито покосился на жену.

– Но ведь мужчина у нас в доме ты! – парировала дочь.

Ринат уже ждал продолжения: «...и значит, за всё в ответе». Но Гуля просто смотрела на него пытливыми глазами.

– Да, мужчина в доме я, – важно ответил Ринат, – и поэтому занимаюсь мужским делом, ловлю преступников. А по вопросам Гегелей и прочих обращайся к маме!

– Почему?

– Потому что это её епархия.

Жена Рената была специалистом по романо-германским языкам и читала лекции студентам в университете.

– Папа, а что такое епархия? – оживилась Гуля.

– Фух! – вырвалось у отца, но, взглянув на часы, Ринат радостно сказал: – Гуленька, допивай быстро свой чай! Мы в детский садик опаздываем.

На что дочь ответила:

– Папа, ты зря радуешься, до садика нам идти и идти, и ты успеешь мне всё рассказать.

– Умна не по годам, – вырвалось у Рината.

А жена его прыснула со смеху. И потом, став серьёзной, сказала:

– Гуленька, не приставай с вопросами к папе, а то ты собьёшь его с рабочего ритма. Ты же сама знаешь, какая у него сложная и ответственная работа, – при этом Гузель не сводила с дочери строгого взгляда.

– А как же Гегель и епархия? – спросила та.

– Я сама тебе вечером всё расскажу.

– Точно расскажешь?

– Разве я тебя когда-нибудь обманывала? – спросила Гузель.

– Нет, никогда, – не раздумывая, ответила Гуля.

Ринат перевёл дыхание, радуясь тому, что всё благополучно разрешилось. И дал себе слово побольше читать и расспросить об этом Гегеле поподробнее жену.

Но, увы, никогда нельзя быть уверенным в том, что же заинтересует пытлившую девочку на следующий раз.

До детского садика они в это утро добрались без приключений.

Гуля была серьёзной и задумчивой. На всём протяжении пути она молчала, только крепко сжимала руку отца.

Уже чмокнув её в голову на прощание, Ринат не выдержал и спросил:

– Гуленька, а почему ты всё время молчала?

– Я боялась сбить тебя с рабочего ритма, – серьёзно ответил ребёнок.

И Ринат, стараясь не улыбаться, прижал одну ладонь к другой и сказал:

– Спасибо тебе, родная.

Оказавшись за дверью детского садика, Ринат улыбнулся. Дошёл до автобусной остановки и, запрыгнув в автобус, стал думать о гражданине Галушкине Михаиле Тимофеевиче, разработку которого ему поручил вчера вечером следователь Наполеонов.

Михаил Тимофеевич Галушкин был в это утро трезв. Он не пил уже четвёртый день. Но на душе у него, как он сам выражался, было пакостно. И тут пожаловал гость неожиданный и незванный, который, как известно хуже татарина. Но мало того, он им и оказался! Кем же ещё может быть человек, представившийся Ринатом Ахметовым?!

Галушкин стоял на пороге и, раскачиваясь с носка на пятку и обратно, исподлобья смотрел на оперативника.

– Мы на пороге будем разговаривать или всё-таки пройдем в квартиру? – дружелюбно спросил Ринат.

– А чего в неё проходить-то? – сердито ответил Галушкин.

– Ну, что ж, тогда мне придётся забрать вас в отделение.

– Это ещё зачем? – ещё сильнее набычился Галушкин.

– Затем, что разговаривать на лестничной клетке и неудобно, и неприлично. Разве вас этому не учили в детстве родители?

– Учили, учили, – пробурчал Галушкин и неожиданно смиловился: – Ладно уж, проходите, но у меня там не прибрано.

Однако когда Ринат зашёл в квартиру, то не удержался и присвистнул:

– Не прибрано это мягко сказано, у тебя тут, как Мамай прошёл.

- Вот-вот, – процедил сквозь зубы Галушкин и обвиняюще уставился на Рината. Тот проигнорировал его взгляд, сбросил со стула какое-то шмотье и сел.
- И вы присаживайтесь, гражданин Галушкин.
- Я не гражданин, а господин, – взъерепенился тот.
- Прямо так уж и господин, – усмехнулся Ринат.
- А чем я хуже этих?! – Галушкин качнул головой в сторону.
- Ринат не понял, кого он именно имел в виду, но спорить с нервным типом не стал.
- Ладно, господин, так господин, – сказал он. – Вы мне лучше расскажите, где вы были утром, – он назвал дату убийства Самсоновой, – вернее, с утра и до обеда?
- В церкви! – прозвучал ответ.
- Где-где? – недоверчиво переспросил оперативник.
- В церкви я был!
- И зачем вы туда ходили?
- Как зачем? Хотя вам, басурманам...
- За оскорбление полицейского при исполнении, – равнодушно начал Ахметов.
- К куме я ходил! – выпалил Галушкин.
- Так к куме или в церковь? – всё тем же ровным голосом уточнил Ахметов.
- Так кума у меня в церкви служит!
- И зачем же вы, господин Галушкин, ходили в тот день к куме?
- Да я бы и не пошёл к ней, – махнул Галушкин рукой, – но она мне с вечера позвонила и строго так сказала: «Миша! Чтобы завтра утром пришёл ко мне в церковь!»
- И вы не посмели послушаться? – не удержался от усмешки Ринат.
- Галушкин покосился на оперативника и, поняв, что тот не отстанет от него, пока не узнает правду, решил признаться:
- Обносился я...
- Что?
- Ну, пропил свою одежду! Почти всю! И костюм, и пальто, и...
- Труссы хотя бы оставили?
- Труссы оставил, – вздохнул сокрушённо Галушкин и начал перечислять: – Рубашку старую, штаны и сандалии. Их у меня никто не купил.
- И кума обещала вам купить новый гардероб? Правильно я вас понял, господин Галушкин?
- Неправильно! – обиделся Михаил Тимофеевич, но потом смягчился и растолковал: – В церковь прихожане приносят поношенные вещи. Часто очень даже приличные. И церковь раздаёт их неимущим.
- Значит, вы приехали к куме, чтобы приодеться?
- Галушкин печально кивнул.
- Кто может подтвердить, что вы были там с утра до обеда?
- Да кто угодно! Кума же там не одна была! – и вдруг забеспокоился: – А вы что же, проверять будете?
- А как вы думали, господин Галушкин?
- Так неудобно мне будет перед людьми, – вздохнул тот.
- А портки пропивать вам удобно? – спросил не улыбнувшись Ринат.
- Портки я не пропивал! – возмутился Галушкин.
- Ладно, ладно. Лучше расскажите мне, зачем вы грозили Аркадию Бессонову?
- Трубочу, что ли, этому? – опять набычился Галушкин.
- Саксофонисту.
- Нам без разницы!
- Так зачем вы ему грозили?

- Я не всерьёз! Просто обиделся я на него.
- И за что же вы, господин Галушкин, изволили обидеться на Аркадия Бессонова?
- Да вы сами подумайте! Эти артисты, как сыр в масле, на наши денежки катаются! Каждый день показывают их виллы и замки! А тут всю жизнь бьёшься, как хрен об кочку! – праведный гнев буквально распирал Галушкина.
- А вы бы, Михаил Тимофеевич, пили поменьше, – заметил грустно Ринат.
- Значит, по-вашему, если бы я не пил, то у меня бы замок был?
- Замка бы не было, но вы не разбили бы свою машину, и вам не понадобилось бы вымогать деньги у Аркадия Бессонова.
- Ничего я у него не вымогал, – обиделся Галушкин.
- И должен вам сказать, что у Бессоновых тоже нет замка.
- Зато у них денег куры не клюют!
- Кто же это вам сказал?
- Да сама покойная Екатерина Терентьевна и проговорилась.
- И, тем не менее, вы сделали неправильный вывод из её слов. Они всего лишь копили деньги дочери на свадьбу.
- У них родственники живут на курорте, и Бессоновы туда всей семейкой мотаются, а Аркашка так вообще с югов не вылезает.
- Аркадий Бессонов ездит на гастроли.
- Знаем мы эти гастроли! Дадут несколько концертов, набьют карманы деньгами и в загул!
- В отличие от вас Бессонов не пьёт, машин не бьёт и соседям не угрожает.
- Так ему нельзя пить! Он язвенник! – расхохотался Галушкин, – было у него две язвы, а теперь осталась одна!
- То есть?
- От тёщи его кто-то избавил.
- Может, вы и избавили?
- У меня стопроцентное алиби! – гордо заявил Галушкин.
- Проверим.
- Валяйте, проверяйте!
- Кстати, Михаил Тимофеевич, а где ваша семья?
- Какая ещё семья? – насторожился Галушкин.
- Жена, дети. Лет-то вам ведь уже много...
- Нечего мои года считать! А жена была, а теперь нету, – он развёл руками.
- Что же случилось с вашей женой?
- Ничего с ней не случилось! Зараза она неблагодарная!
- А за что же интересно, она должна вас благодарить?
- Я её на вокзале подобрал!
- Прямо так уж и на вокзале? – не поверил оперативник.
- Ну, не совсем на вокзале, – нехотя признался Галушкин, – в общежитии она жила. Мы оба тогда на хлебозаводе работали.
- Ваша жена из другого города?
- Из посёлка городского типа.
- Надо думать, что, когда вы познакомились со своей женой, вы, господин Галушкин, за воротник ещё не закладывали?
- Не закладывал, – вздохнул Галушкин.
- И долго вы прожили вместе?
- Восемь лет.
- У вас есть дети?

- Есть, мальчик и девочка.
- Где же они теперь?
- Так эта зараза! Мать их, жена моя бывшая, бросила меня и детей забрала!
- Они живут в общежитии?
- Нет, она обратно к родителям уехала.
- Жалко, что она у вас квартиру не отсудила!
- Ещё чего! – ошетинился Галушкин.
- Имела на это полное право. А вы алименты платите?
- Это вот не вашего ума дело!
- Ведь вы нигде не работаете...
- С завтрашнего дня я выхожу на работу!
- Куда же вы устроились?
- Кума меня пристроила на рынок грузчиком.
- Опять кума?
- А что?
- Ничего, вы своей куме ноги должны мыть и воду пить.
- Ещё чего!
- Неблагодарный вы человек.
- Нечего меня учить! Узнали всё, что хотели, и катитесь!
- Аркадий Бессонов, между прочим, Михаил Тимофеевич, может подать на вас заявление.
- За что?
- За угрозы в его адрес. А соседи, вон, свидетелями пойдут.
- За что заявление? – снова повторил Галушкин, – я к Аркадию как к человеку! Он же саксофонист – человек богатый, и как сосед должен был выручить меня. А он свиньёй оказался!
- И вы грозились ему это припомнить.
- Так я же пьяный был!
- Это только усугубляет ваше положение, – сказал Ахметов и направился к выходу.
- Эй, вы куда, погодите!
- Чего?
- Это дело же можно миром решить!
- Каким образом?
- У меня деньги есть!
- Откуда?
- Галушкин вздохнул:
- Часть вещей, что мне кума раньше давала, я продал, деньги заныкал. Пьяный был, искал, искал и не нашёл. А вчера полез под ванну убираться, а они лежат в слесарном ящике.
- Нет у вас совести совсем, господин Галушкин, – вздохнул Ринат и ушёл.
- Свести у меня нет, – бормотал ему вслед Галушкин, – ишь, совестливый нашёлся! Только бы на безвинного человека все грехи навесить.

Глава 5

День был удивительно хорош, и Наполеонов был рад, что вырвался из своего кабинета. Повод подышать свежим воздухом у него имелся...

Инессу Бессонову, легко сбегающую по ступенькам, он сразу выделил в толпе других студентов.

«Хороша!» – невольно подумал он.

Инесса Аркадьевна Бессонова на самом деле сильно отличалась от своих сокурсниц. Она казалась сказочной принцессой, которую волшебный ветер принёс из неведомого мира грёз на нашу грешную землю.

Обычная молодёжная одежда сидела на ней так, как сидит роскошный наряд на портрете какой-нибудь инфанты из шёлка, бархата и кружев.

«Не хватает кисти художника, чтобы запечатлеть эту неземную красоту, – подумал следователь и тут же вспомнил: – А ведь художник был!»

Увидев, что девушка уже спустилась, Наполеонов выбрался из машины, и всё тот же неведомый волшебный ветер в мгновение ока перенёс Инессу к нему.

– Александр Романович! – услышал он её серебряный голосок, – вот вы где! А я кручу, кручу головой! Думала, что вы опаздываете!

– Ну, что вы, – пошутил он, – к такой красивой девушке не опаздывают даже следователи. Её голубые глаза одарили его благодарным взглядом.

– Мы будем беседовать в машине? – спросила она, сразу погрузнев.

– Нет, я, когда ехал к вам сюда, увидел совсем недалеко кафе с открытой верандой. Сегодня же тепло. И мы можем поговорить там.

– Как скажете, – покорно отозвалась она.

«Я, наверное, что-то не то ляпнул, – подумал Наполеонов, – принцесса что-то сникла».

Инесса не стала ждать, пока он откроет перед ней дверь, а он бы с удовольствием это проделал, просто она опередила его и, забравшись в салон, села спереди на место пассажира.

Они быстро доехали до кафе, о котором говорил Наполеонов, и заняли солнечное место под малиновым зонтиком.

Инесса заказала себе котлету с картофельным пюре и к чаю сладкие пирожки с вишней и яблоками.

– Я сегодня такая голодная, – проговорила она, как бы извиняясь.

– Только сегодня? – улыбнулся Наполеонов. – Я так постоянно голодный! – и он заказал себе то же самое, что и она.

– Вкусно! – сказала Инесса, запихивая в рот кусочек котлеты.

– Действительно, – охотно согласился следователь.

Они быстро управились с едой.

– А теперь и поговорить можно? – Инесса вопросительно посмотрела на следователя.

– Да, Инесса Аркадьевна, – перешёл он на официальный тон, – и разговор нам предстоит серьёзный.

Наполеонов заметил, что девушка вся подобралась и устремила на него внимательный взгляд своих нежно-голубых глаз, которые, казалось, даже стали темнее.

Большой кленовый лист, кружившийся в воздухе целую минуту, неожиданно опустился на их стол, и это разрядило обстановку, прогнав лишнюю скованность обоих.

– Вы хотели поговорить со мной о бабушке? – тихо спросила Инесса.

Наполеонов кивнул:

– Да, какой она была? Не конфликтной?

– Ну, что вы, – грустно улыбнулась девушка, – бабушка была очень доброй. – И неожиданно спросила: – Вы смотрели старый советский фильм «Золушка»?

– Да, но... при чём здесь это? – удивился Наполеонов.

– Потому что моя бабушка была похожа на фею! Крёстную Золушки!

– Вы хотите сказать, – продолжал недоумевать следователь, – что у вашей бабушки было много крестников?

– Можно сказать и так, – тихонько рассмеялась Инесса и пояснила: – Моя бабушка работала в ателье. И вы только представьте, скольких Золушек она сделала счастливыми, потому что особенно бабушке удавались свадебные платья!

– Теперь понимаю, – проговорил Наполеонов, хотя понимал он далеко не всё.

Оба задумались каждый о своём, и повисла пауза, которую нарушил следователь, спросив:

– А вам бабушка успела сшить свадебное платье?

– Успела, – печально ответила девушка и добавила: – В тот день, когда её убили, мы собирались обсудить мой наряд на второй день после свадьбы.

– Инесса, вы сказали, что ваша бабушка была доброй, как фея?

– Да, а что?

– По моим сведениям, были люди, с которыми она была в обращении не слишком добра, – осторожно проговорил следователь.

– И кого вы имеете в виду, – поинтересовалась Инесса, – уж не Галушкина ли с первого этажа, который моему отцу всю плешь проел?

«Ага, а роза-то с шипами», – подумал про себя Наполеонов, а вслух проговорил:

– Мне неизвестно, как ваша бабушка обошлась с Галушкиным, но вот вашему бывшему поклоннику от неё крепко досталось.

– Моему бывшему поклоннику? – удивлённо переспросила Инесса.

– Именно!

– И кого же вы имеете в виду? Ой, наверное, Володьку Дорина?

– Его самого.

– Так он вовсе и не мой поклонник, – отмахнулась Инесса.

– А чей же?

– Не знаю, чей, я давно его не видела.

– Но вы же встречались с ним?

– Встречались – громко сказано, просто с девятого класса он таскал мой портфель. Иногда мы ходили в кино, гуляли в парке...

– Целовались, – подсказал следователь.

– Было пару раз, – нехотя призналась Инесса.

– Так уж и пару раз? – не поверил следователь.

– Может, и больше, – пожала плечами девушка, – но какая разница?

– Для вас, может, и никакой, но парень, вероятно, строил планы на будущее с вами.

– Так уж и строил, – фыркнула Инесса.

– Как вы расстались с ним? – спросил следователь. – По-плохому или по-хорошему?

– Да никак! – неожиданно рассердилась девушка. – Я позвонила ему и сказала, что больше встречаться с ним я не могу, так как встретила свою настоящую любовь.

– А он?

– Стал что-то орать! Но я не дослушала, выключила связь, а потом заблокировала его номер.

– Значит, расстались вы по-плохому, – заключил следователь.

Девушка передёрнула плечами.

– А ваша бабушка не говорила вам, что Дорин приходил к вам домой?

- Нет, она ничего мне об этом не говорила. А вы уверены, что он приходил?
- Имеются свидетели его визита и того, как он выкрикивал угрозы в адрес вашей бабушки.
- И чего это он на неё так взъелся? – удивилась Инесса, – это же я ему дала отставку, а не бабушка.
- А ваша бабушка подлила масла в огонь.
- Каким же, интересно, образом?
- Намекнула Дорину на его недостаточное материальное обеспечение.
- Интересно было бы знать, что бабуля сказала Володьке.
- Да ничего особенного, – делано равнодушно проговорил Наполеонов, – назвала его «голытьбой».
- Припечатала, так припечатала, – вздохнула Инесса и дополнила: – Бабушке Володька никогда не нравился...
- Почему?
- Ей не нравилось, что он хотел и стал художником.
- Это почему же?
- Она считала, что художники, как и все творческие люди, не могут служить опорой семьи. То у них денег нет, то голова от славы кружится, то их налево тянет.
- Разве так бывает только с художниками?
- Нет! Со всеми людьми искусства. Сами посмотрите, что творят знаменитости!
- Инесса! Другие творят не меньше, а может, и больше, просто люди не знают об этом. А знаменитости всегда на виду.
- Может, вы и правы, – вздохнула Инесса, – но Володька и впрямь не был каменной стеной. Его вечно одолевали какие-то идеи, он бросался из одной крайности в другую и не любил сидеть на месте.
- А Глеб?
- О! Глеб – это совсем другое дело, – улыбнулась Инесса.
- Как вы считаете, Дорин мог отомстить вашей бабушке?
- Вы что же думаете, что Володька убил мою бабушку? – изумилась девушка.
- А вы так не думаете?
- Нет, конечно! Это же чушь!
- Почему?
- Потому что Володька художник! И ещё Пушкин сказал, – в запальчивости проговорила она, – что гений и злодейство несовместимы!
- Во-первых, Владимир Маркович Дорин пока не признан гением. Инесса хотела что-то сказать, но следователь не дал ей сделать этого, продолжив:
- А во-вторых, Пушкин хоть и гений, но в криминалистике – не авторитет.
- Да как вы можете! – возмутилась Инесса.
- Чего вы сердитесь, – вздохнул Наполеонов, – вот Сальери же он обвинил в преднамеренном убийстве, не собрав предварительно доказательств. Да и с Борисом Годуновым не всё так однозначно, как писал Александр Сергеевич.
- Но он же художник!
- Вот именно, – улыбнулся следователь, – так что отодвинем этот бессмысленный спор в сторону и останемся при своём.
- При чём при своём? – не поняла Инесса.
- Вы при том, что ваш Володька ангел безгрешный, а я при том, что нужно проверить его алиби на момент убийства вашей бабушки. Простите, – следователь развёл руками.
- Делайте, что хотите, – сказала Инесса, поджав губы, и добавила: – Только зря время потратите.

– Работа у нас такая, – вздохнул Наполеонов и предложил: – Давайте, я вас домой отвезу.

– Сама доберусь, – отрезала она.

– Конечно, доберётесь, – согласился он добродушно, – но на машине быстрее. А вам, наверное, нужно и ужин готовить, и уроки брата проверить, и с отцом посидеть.

– Ладно уж, уговорили, – оттаяла девушка, – везите.

К счастью, пробок на их пути в этот день не было и Наполеонов, быстро домчав девушку до дома, позвонил Славину.

Ещё поджидая идущую к нему Инессу Бессонову, следователь уже знал, кому он поручит заняться художником Дориным.

Дмитрий Славин когда-то учился в художественной школе, а отец его владеет современной галереей живописи «Вишнёвая роща».

«Так что ему и карты в руки», – решил Наполеонов.

– Аллю, – прозвучал голос в трубке.

– Дима, ты где?

– В отделении, – ответил оперативник.

– Бездельничаешь...

– Вам побездельничаешь! – сделал вид, что обиделся, оперативник.

На самом деле Славин никогда не обижался, считал это делом затратным и контрпродуктивным. Обижаться на начальство – себе дороже, а от остальных можно просто отмахнуться и переключиться на что-то более приятное.

Между тем Наполеонов, от которого оперативнику отмахнуться никак не получится, продолжил:

– Вот это правильно, тем более что я тебе работёнку хочу поручить и как раз по твоему профилю.

– По моему профилю? – удивился Дмитрий, гадая, чего же там изобрёл для него Наполеонов.

– Ну, ты же у нас художник.

– Я опер, – отрезал Славин.

– Ну, ладно, ладно, опер, – согласился следователь, – но с художественным наклоном.

Славин тяжело вздохнул в трубку.

– Не вздыхай, как нагруженный слон, – сказал следователь, – может, я не так выразился. Но факт, что ты разбираешься в живописи.

– Разбираюсь, – осторожно согласился Славин, – но если вы хотите, чтобы я поработал экспертом в этой области, то вынужден вас разочаровать...

– Каким ещё таким экспертом, – начал терять терпение Наполеонов, – мы расследуем дело об убийстве тёщи саксофониста Бессонова. Дело громкое. Начальство бдит.

– Если вы хотите, чтобы я выяснил, не подменили ли подлинный саксофон Бессонова на подделку, то я пас!

– Ничего ему не подменили! Бессонов был в день убийства на гастролях! И саксофон был при нём! Понятно, при нём?!

– Ещё как понятно. Дальше.

– У Инессы Бессоновой до того, как она познакомилась со своим нынешним парнем Глебом Павловичем Куприяновым, был другой парень, некий Владимир Маркович Дорин. Он учился в художественном училище и рисовал.

– Писал, – машинально поправил Славин.

– Чего писал? – машинально переспросил Наполеонов.

– Картины.

– Умник!

– Есть немного...

– Так вот, – не обращая внимания на дерзость, проговорил следователь, – я хочу, чтобы ты узнал об этом Дорине всё. Где он теперь, чем занимается, на что живёт, не появились ли у него в последнее время деньги...

– И есть ли у него алиби на время убийства?

– И впрямь умник, – похвалил Наполеонов и напутствовал: – Действуй!

– Есть, товарищ капитан.

Наполеонов вздохнул и отключился.

Больше всего на свете ему сейчас хотелось прилечь на свою кровать или хотя бы на диван в гостиной, закрыть глаза и заснуть, чувствуя сквозь сон, как мать накрывает пледом и тихонько, чтобы не разбудить, гладит его коротко постриженные волосы.

Да-да, следователи – тоже люди. И им иногда очень хочется, чтобы их погладили по головке. Особенно в те дни, когда расследование застопорилось на месте и ни «но», ни «тпру».

Глава 6

Ни о каком художнике Дорине старший лейтенант Славин понятия не имел.

В художественной школе он учился в детстве и никаких связей со своими бывшими одноклассниками не поддерживал и не имел понятия о том, чем они занимаются теперь.

К отцу Дмитрий обращаться не захотел, хотя Славин-старший и помогал устраивать выставки молодым художникам, но на данный момент в его каталоге никакого Дорина не было. Поэтому Дмитрий позвонил известной в городе художнице Лидии Заречной, с которой он познакомился при расследовании одного из дел.

С тех пор они встречались время от времени, посещая вместе известные выставки, и даже пару раз сходили в Драматический театр на премьерные спектакли, и это не считая редких встреч в кафе.

Дмитрий вспомнил, какой он увидел Лидию впервые, и невольно улыбнулся.

На девушке были старые джинсы и перепачканная красками светло-серая блузка. Русые волосы небрежно сколоты на затылке, слегка полноватые губы и большие серо-зелёные глаза.

Именно эти глаза и зацепили Славина. В них светились ум, любознательность и что-то ещё, не передающееся словами, может быть, обещание захватывающего приключения или намёк на раскрытие некой тайны...

Этого Славин сам не знал и не узнал до сих пор. Вероятнее всего, он сам себе придумал и приключения, и тайну.

Дмитрий тихо вздохнул, но как только услышал в телефоне голос Лидии, сразу ожил:

– Привет!

– Это ты? – спросила она. – Я смотрю, номер высветился неизвестный.

– Я звоню со служебного телефона.

– А, со служебного, – протянула она и закончила: – Значит, и разговор служебный?

– В некоторой степени, – отозвался Дмитрий, уловив в голосе художницы нотку разочарования.

– Что же ты хочешь?

– Лида, будь другом... – При слове «другом» Заречная фыркнула, а Славин обругал себя мысленно «ослом». Но, тем не менее, продолжил:

– Лида, скажи, ты слышала что-нибудь о некоем художнике Владимире Дорине?

– Тоже мне, нашёл художника, – проговорила она с лёгким пренебрежением, – Володька недавно окончил училище. Нигде ещё не выставлялся. Позиционирует себя как классик.

– В смысле? – удивился Славин.

– Ну, то есть, пишет в стиле старых художников, типа Репина, Кипренского, Федотова, Брюллова.

– По-моему, неплохой выбор.

– Может быть, – проговорила она неуверенно.

– То есть ты хочешь сказать, что это теперь немодно.

– Не только...

– А что ещё?

– Переплюнуть классиков он не сможет, а свою манеру письма пока не выработал.

«Выработает, какие его годы?» – подумал про себя Славин, а вслух спросил:

– Ну, и где он сейчас подвизается?

– А нигде.

– То есть?

– Вернее, он что-то пишет. А продаёт небольшие миниатюры на Пешеходной улице. Знаешь, где это?

– Да, конечно. Спасибо тебе! Выручила.

– А когда мы увидимся? – спросила Лидия.

– У отца в воскресенье будет выставка некоего заезжего художника из Австрии. Выставка для избранных, – сделал он ударение на слове «избранных».

– А нас туда пропустят? – спросила Заречная.

И он догадался, что она улыбается.

– Приглашения у меня на руках. Жди меня в воскресенье в десять утра возле входа.

– Или ты меня жди, – пропела в трубку Лидия и отключилась.

– Или я, – согласился Славин, прислушиваясь к коротким гудкам. Улыбнулся и повесил трубку.

И только сейчас он заметил, что за ним внимательно наблюдает и, видимо, прислушивалась к их разговору его коллега Любовь Залеская.

– Ну, выяснил что-нибудь? – спросила она небрежно.

Он кивнул:

– Кое-что, – и неожиданно спросил: – Хочешь пойти со мной?

– Куда? – удивилась она.

– На Пешеходную улицу.

– Зачем?

– Поглядим на самого Дорина и на его шедевры.

– В рабочее время?

– Лейтенант Залеская! Вы меня изумляете! Я же вас не развлекаться зову, а изучать личность подозреваемого, – проговорил он нарочито строго, – так идёте или нет?

– Да, конечно, – засуетилась она, выключила компьютер и схватила свою сумку.

До Пешеходной улицы они доехали на машине Славина «Лада-Калина», как предполагала Любава, подаренной ему отцом. Ведь на зарплату опера автомобиль, даже отечественный, купить можно, только взяв кредит.

Она слышала, что к кредитованию Дмитрий относится скептически, но не знала, что Славин писал обзорные и критические статьи не только для российских журналов, но и для зарубежных, помогал отцу составлять каталоги и делал некоторые другие вещи в мире искусства.

Ехать на машине вдвоём с Дмитрием было одним сплошным удовольствием, и Любава не заметила, как они домчались до места.

– Прошу, – галантно произнёс Славин, распахивая дверцу и подавая ей руку.

– Спасибо, – улыбнулась она, оперлась на его руку, и они пошли по улице точь-в-точь как влюблённая парочка.

Любаве казалось, что на них смотрят все прохожие.

И положила руку на сердце посмотреть было на что – широкоплечий высокий блондин с глазами цвета лесного ореха и гарная дивчина, вся из себя ладная и видная.

Любава представляла, как плещутся фонтаны, хотя их уже выключили, но их воображаемый шум казался ей чарующей музыкой.

Она шла не чуя под собой ног. А Славин, казалось, ничего не замечал.

– Смотри, – сказал он, – а вон и художники.

Уличных художников было сегодня не слишком много. День был прохладным, а с Волги вообще дул пронизывающий ветер. Любава невольно поёжилась.

– Ты не замёрзла? – быстро спросил Дмитрий.

– Нет-нет, – поспешила ответить она, но в его голосе ей послышалось столько теплоты, что она и впрямь согрелась.

– Посмотри! – услышала она голос Славина, – видишь Инессу?

– Где? – Любава оглянулась.

– Да на портрете же! – нетерпеливо проговорил Дмитрий и легонько дёрнул её за руку.

Только тут Любава заметила портрет девушки, похожей на ту, с которой она разговаривала сразу после убийства бабушки.

– Значит, и сам голубчик здесь, – меж тем удовлетворённо проговорил Славин.

А внимание Любавы тем временем привлёк натюрморт с огромным букетом лиловой и белой сирени.

– Какая красота! – невольно вырвалось у неё.

– Да, Инесса девушка красивая, – согласился Славин, – и на портрете она выглядит как живая.

– Да я не про портрет, – невольно улыбнулась Любава.

– А про что же? – удивился он.

– Про сирень!

– Про какую ещё сирень?!

– А вон, видишь справа в золотистой раме.

Дмитрий поморщился.

– И тебе нравится? – спросил он.

– Очень! – призналась она.

– Гм...

– У меня нет художественного вкуса? – испугалась она.

– Дело не во вкусе...

– А в чём?

Глаза его озорно блеснули, и он предложил:

– Давай купим эту чёртову сирень.

– Она не чёртова, – обиделась за натюрморт Любава.

– Ладно, – согласился Дмитрий, – давай купим сирень и дело с концом.

– Для меня? – спросила Любава.

– Ага, – сказал он, подошёл к художнику и, не торгуясь, купил понравившуюся Любаве сирень.

На Дорина Славин всё это время даже не смотрел.

– Мы не будем его задерживать? – тихо спросила Любава, крепко прижимая к себе упакованный натюрморт.

– У нас приказа такого нет...

– А что же тогда?

– Мы знаем, где его в случае чего найти.

Славин достал телефон и набрал чей-то номер.

– Аветик, – проговорил он через пару секунд, – будь другом, подъезжай на Пешеходную улицу, мы здесь Дорина засекли, надо бы за ним проследить, где он теперь живёт. По адресу прописки его не было давно. У тебя с собой его фотография?

Что отвечал Аветик, Любава не слышала.

Славин сказал:

– Мы с Любавой засветились, а тебя он не знает, – и хохотнул напоследок, – благодаря своей южной внешности можешь сойти за богатого мецената.

– Что он сказал? – спросила Любава, когда Дмитрий отключил связь.

– Послал, – улыбнулся тот.

– Так он не приедет? – забеспокоилась Любава.

– Приедет, конечно, – успокоил её Славин и легко коснулся девичьей руки, – ладно, поехали в управление.

В машине Любаву начали одолевать сомнения, правильно ли она сделала, что, поддавшись импульсу, уговорила Славина купить картину.

Поёрзав на сиденье, она сказала:

- Дим, я отдам тебе деньги.
- Какие деньги? – удивился он.
- Ну, за картину.
- Даже не бери в голову. Это мой тебе подарок.
- Она вздохнула и призналась:
- Я передумала.
- Чего ты передумала? – не понял он.
- Вешать эту картину у себя на съёмной квартире.
- С чего это такое непостоянство? – подозрительно спросил он.
- Я сама не знаю, – призналась она.
- Они помолчали с минуту, а потом Славин неожиданно предложил:
- А знаешь что, давай эту картину кому-нибудь подарим?
- Кому?
- Да хоть Наполеонову, – хмыкнул Дмитрий.
- Следовательно? – искренне удивилась Любава.
- А что, следовательно не человек, что ли? – спросил её Дмитрий и озорно подмигнул.
- Я не знаю, – испугалась Любава, – удобно ли это.
- А мы сделаем ему анонимный подарок.
- Анонимный?
- Ну да.
- Пошлём по почте?
- Нет, передадим через Эллу.
- Но она же нас узнает!
- Не бойсь, Элла нас не выдаст.
- Ты думаешь?
- Уверен.
- Не доезжая пару остановок, Дмитрий неожиданно остановил машину и выскочил.
- Ты куда? – ахнула Любава.
- Я сейчас вернусь.

Вернулся он минут через десять. За это время Любава вся испереживалась, не зная, что ещё задумал Славин.

Он вернулся с двумя букетами из ирисов, лилий и ещё каких-то мелких бледно-лиловых цветов.

Один букет он вручил Любаве, а другой бросил на сиденье со словами: «Это Элле».

Секретаря они нашли в полном одиночестве.

- Элла! Привет! Это тебе! – Славин протянул ей букет.
- Ой! Какая прелесть! – Элла сразу же уткнула в букет нос.
- Наполеонов у себя? – спросил Дмитрий.
- Нет, он у Фёдора Поликарповича.
- Прекрасно! Элла! Будь другом, внеси в его кабинет вот это! – он протянул ей натюр-морт.
- А что это? – удивилась Элла.
- Картина.
- Точно картина? – девушка опасливо покосилась на оперов.
- Точно. Можешь вскрыть и посмотреть.
- Да ладно уж, – отмахнулась девушка, – сказать, что вы принесли?
- Ни в коем случае! – воскликнул Славин.
- А что же сказать? – округлила глаза секретарь.

– Скажи, что это подарок от неизвестного! Доставлен курьером.

– Но кто его пропустил? Впрочем, ладно, придумаю что-нибудь.

– Но нас не выдавай!

– Не выдам! Самой интересно посмотреть, что Александр Романович с этим подарком делать будет.

Наполеонов пришёл через полчаса после ухода оперов.

Весь озабоченный и погружённый в свои мысли, он не сразу заметил привалившее ему счастье. А увидев картину, вытаращил на неё глаза и долго не мог произнести ни слова. Потом открыл дверь и закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.